

Лишь когда луна поднялась в самый зенит, Янь Ваньчжоу под покровом ночи вернулся к себе.

Его так называемое «жилище» представляло собой заброшенную конюшню на служебном дворе. Обычно прислуга поместья Юй не ютилась в столь убогих условиях, но слуги прекрасно умели угадывать настроение господ. С тех пор как полгода назад Янь Ваньчжоу выставили из общей людской, этот угол стал его единственным пристанищем.

Всплеск!

Юноша зачерпнул ковш колодезной воды и вылил себе на макушку.

Ледяная струя пробрала до самых костей, но Янь Ваньчжоу словно не чувствовал стужи. Он раз за разом смывал с тела грязь и запекшуюся кровь. И даже когда рана на животе запылала, точно от прикосновения каленого железа, он не остановился.

Он опустил взгляд.

Кожа на животе из багровой стала синей, а затем налилась пугающим черно-фиолетовым оттенком.

Опорожнив на себя последний ковш ледяной воды, Янь Ваньчжоу сдернул с деревянного столба висевшее грубое верхнее платье и, волоча измученное тело, побрел в угол конюшни.

Юное тело не выдержало дневных мучений: едва прислонившись к углу, он почувствовал, как веки неудержимо смыкаются, а сознание медленно угасает.

В это же время Юй Юй торопливо шел следом за А-Цинем.

Миновав несколько заросших бурьяном тропинок, они ощутили удушливый запах сырости и плесени. Чем дальше они заходили, тем более неладным казалось это место.

— Молодой господин, осторожнее под ноги, — услужливо освещал дорогу фонарем А-Цин. — В этой дыре даже путной дорожки нет.

Личному слуге не приходилось жить в общей людской, поэтому даже А-Цин заглядывал сюда очень редко.

Когда они наконец подошли к «жилищу» Янь Ваньчжоу, Юй Юй замер на месте: солома на крыше конюшни давно сгнила и осыпалась, обнажив зияющие дыры, сквозь которые со стоном и завыванием гулял ночной ветер.

«Главный герой живет в такой дыре?!»

Разве это место пригодно для человека? Даже ссыльных каторжников не держат в подобных условиях.

— Вся прислуга в поместье живет здесь? — спросил Юй Юй.

А-Цин с самым естественным видом ответил:

— Разумеется, нет. Но вы ведь, молодой господин, больше всех его терпеть не могли. Сами же говорили, что от одного вида этого жалкого раба у вас тоска зеленая, и велели управляющему сослать его куда подальше.

Юй Юй чуть воздухом не поперхнулся. Сколько же подлостей успел натворить прежний хозяин этого тела?

«Проклятье, выходит, виновник всего этого кошмара – я сам!»

А-Цин тем временем продолжал бурчать за спиной:

— И то ему еще повезло. По мне, так следовало выбросить его в дровяник...

Если бы Юй Юй не боялся мгновенно разрушить свой образ, он бы непременно развернулся и зажал ему рот: «Заткнись! Да замолчи ты уже!»

А-Цин сначала несколько раз окликнул того снаружи, а не дождавшись ответа, зажал нос и, пригнувшись, полез внутрь, намереваясь вытащить строптивца за шиворот. Однако от хлынувшего из конюшни холода слуга вздрогнул – внутри было куда промозглее, чем на улице.

Юй Юй вошел следом. При тусклом свете фонаря он разглядел в углу свернувшуюся худенькую фигурку.

Янь Ваньчжоу рухнул в кучу прелой соломы. Тонкая одежда насквозь пропиталась холодным потом, дыхание стало частым и прерывистым, а на бледных щеках пылал нездоровый румянец.

Он даже не заметил чужого приближения. Неужели впал в беспамятство от боли?

В горле у Юй Юя пересохло, и он машинально шагнул вперед.

До прихода сюда он еще утешал себя мыслью, что настоящее золото огня не боится, да и главному герою положено хлебнуть лиха... Но увиденное лишило его дара речи. Еще немного –

и это «настоящее золото» уже переплавится в божественное!

— Молодой господин, не подходите! — Встревожился А-Цин, преграждая путь. — Мало ли какую заразу подцепил этот раб...

Не дослушав, Юй Юй опустился на корточки и коснулся лба Янь Ваньчжоу. Жар, обжегший пальцы, заставил его сердце сжаться.

«И правда, лихорадка».

— Принеси жаропонижающее, — в детском голосе Юй Юя зазвучала непререкаемая властность.

Круглое лицо А-Цина вытянулось от изумления:

— Молодой господин, но ведь... — разве не лучше дать этому мерзавцу сдохнуть самому?

— Что? — Юй Юй обернулся и прищурился, пустив в ход привычный угрожающий тон прежнего владельца тела. — Мое слово для тебя больше ничего не значит?

— Нет-нет-нет! — Испуганно замахал руками слуга. В его голове со скрипом завертелись шестеренки, и вдруг глаза его вспыхнули озарением:

— Я понял!

Юй Юй чуть приподнял бровь:

— И что же ты понял?

— Молодой господин хочет сначала вылечить его, а потом мучить медленно, верно? Нельзя же позволить ему так легко отделаться и умереть! — А-Цин сиял, издав при этом зловещий смешок.

«Вот это я понимаю – мой третий молодой господин!»

У Юй Юя нервно дернулся уголок губ. Ему стоило огромных усилий не прижать ладонь ко лбу. Ну и логика у этого слуги... настоящий мастер притягивать за уши. Дай ему ниточку – он целый свитер свяжет.

Зато удобно: даже оправданий придумывать не нужно.

— Раз понял, чего стоишь? — Нарочито холодно бросил Юй Юй, подыгрывая его фантазиям.

Услышав это, А-Цин окончательно уверился в своей правоте и закивал:

— Молодой господин невероятно мудр! Сию минуту все сделаю! — Он развернулся было бежать, но тут же замер:

— А не захватить ли заодно соли? Когда он очнется, можно будет...

— Пошел вон! — Не выдержав, Юй Юй отвесил ему пинка.

Глядя на то, как А-Цин вприпрыжку удаляется с фонарем, Юй Юй с облегчением выдохнул. Затем осторожно снял свой верхний халат и укрыл им Янь Ваньчжоу. Сделав это, он сам испугался: увидь такое А-Цин, наверняка напридумывал бы нелепиц вроде «молодой господин решил удушить раба собственной одеждой».

В слабом лунном свете Юй Юй наклонился ближе, чтобы разглядеть лицо Янь Ваньчжоу. Даже покрытая пылью, его кожа сохраняла фарфоровую белизну. У запекшихся в кровь трещинок на губах проступала неестественная, болезненная пунцовость. Выглядел он столь беззащитным, будто обидеть его мог каждый встречный.

Поддавшись странному порыву, Юй Юй протянул указательный палец и легонько ткнул парня в щеку. Тот во сне едва заметно нахмурился.

«Это же главный герой. Вдруг если потрогать, кусочек удачи перепадет?

Хотя сейчас жизнь у него, судя по всему, совсем не сахар».

В следующий миг потерявший сознание юноша вдруг повалился ему прямо в объятия.

Хоть Янь Ваньчжоу и был старше на целых четыре года, телом он оставался хрупким, словно ивовый лист. Острые лопатки больно упирались в Юй Юя сквозь грубую ткань. Руки юноши намертво вцепились в его рукав, так, что от отчаянного напряжения побелели суставы пальцев – будто утопающий схватился за последнюю щепку посреди беспросветного кошмара.

Его тело была крупная дрожь.

Юй Юй понял, что тот бредит в лихорадке. Открой Янь Ваньчжоу глаза сейчас и увидь, на чьей груди он лежит – на груди своего мучителя, – его бы наверняка стошнило от отвращения.

Лоб Янь Ваньчжоу прижался к шее Юй Юя, обжигающее дыхание коснулось кожи, но он

продолжал непрерывно дрожать, словно оно уже никогда не сможет согреться.

Его сжигал сильнейший жар, но изнутри сковывал леденящий холод, заставляя инстинктивно тянуться к любому источнику тепла.

Юй Юй невольно крепче обнял его и кончиками пальцев осторожно убрал со лба мокрые от пота прядки.

На миг бледное лицо юноши в его памяти наложилось на величественный образ несравненного мастера с мечом, парящего среди облаков.

Внезапно в голове всплыли слова Системы: миг, когда Янь Ваньчжоу взойдет на самую вершину, станет началом его гибели.

Этот избранник небес, на которого с благоговением взирал весь мир совершенствования, в конечном счете должен был сгинуть у всех на глазах.

Совсем как он сам в прошлой жизни: когда-то наивно считал себя особенным, но в итоге был стер все грани, превратив его в самого заурядного человека из толпы.

Даже характер и манера общения постепенно покрылись фальшивой коркой лицемерия.

Юй Юй вдруг отчетливо осознал всю ценность подаренной второй жизни. Пусть платой за нее и стало перемещение в чужой, незнакомый мир – многим о таком шансе оставалось лишь мечтать.

Он всегда умел принимать судьбу, поэтому освоился быстро. Всего-то и требовалось – выполнять задания – работа везде одинакова, а растить ребенка все же приятнее, чем горбатиться в офисе.

Но Янь Ваньчжоу был другим. Сейчас юноша еще не ведал, что трясина, из которой он будет вырываться всеми силами, окажется лишь жестокой насмешкой судьбы.

Сердце Юй Юя болезненно кольнуло.

«Подумаешь – вырастить героя. Это куда лучше, чем день за днем переделывать правки в проектах.

Раз уж я здесь, нужно хотя бы попытаться».